

Виктория Миско

ТО САМОЕ МЕСТО

16+

Виктория Александровна Миско

То самое место

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64003666

SelfPub; 2022

Аннотация

У каждого из нас есть то самое место.

История про потерю и молчание длиною в 20 лет.

Виктория Миско

То самое место

моему другу

Это место до сих пор было ей знакомо. Берёзы, украшенные осенью, вытянулись до самого неба, под ногами шуршит опавшая листва, трескаются ветки. Недавно прошёл дождь, земля сырая, и кожаные ботинки утопают в грязи, оставляя на ней внушительные отпечатки.

От тропинок, которые в прошлом вытоптали здесь жители деревни, не осталось и следа. Всё заросло травой и молодыми деревьями, стало диким, каким было здесь, наверное, до появления человека.

Карина до сих пор помнила это место, она шла по памяти. Несколько шагов в горку, несколько вниз. Шорох листвы, треск хвороста, причмокивание ботинок.

Ей было страшно. Страшно от того, что она шла, и от того, что ей хотелось идти.

В грудь ворвался влажный воздух. Девушка стояла на пригорке, а перед её ногами растянулось поле. Пожухлая трава не была вытоптана копытами коров и сапогами пастуха, а именно таким девушка помнила это место. Всё здесь одичало.

Это было неудивительно, ведь последний житель уехал из деревни в большой город больше 10 лет назад, но Карина была поражена тому, как быстро природа берёт своё.

Она очень долго боялась смотреть вперёд. Девушка отчётливо слышала шум реки, удары воды о большие камни, и не могла решить, нужно ли спускаться. Наконец, Карина засунула руку в карман пальто и нащупала билет на самолёт. Она летела сюда больше 3 часов, ещё столько же ехала на такси из аэропорта. Нужно сделать шаг.

Тем летом они с Сарой часто бегали к реке. По утрам проверяли рыболовные сети дедушки Карины, в обед помогали бабушкам с дойкой коров, вечером играли, сидя на больших валунах, оставшихся здесь, со слов дедушки Сары, ещё со времён Ледникового периода.

«Мамонты здесь шли. Топали!» – дедушка Адам расставляет в стороны свои смуглые руки и качается из стороны в сторону, изображая большое животное.

Карина с Сарой любили слушать эту историю, любили смотреть, как мужчина закатывает глаза, пытаясь припомнить детали.

«Ледник шёл с запада!, – он потирает бороду и улыбается. – Или с юга?».

Они смеются.

Вода в реке тёмная и дикая, и тем летом Карину это не

пугало так, как пугает сейчас. Шум воды откликается где-то внутри, ударяясь о грудную клетку страхом, воспоминанием и болью. Словами.

«Мы нашли её шорты, футболку и сандалии на берегу. Её не нашли».

Карина смотрит в маленькое квадратное окошко в заборе, закрытое проволокой, чтобы куры не убежали со двора. На улице суета, волнение, из дома напротив выбегает люди, о чем-то разговаривают. Карина начинает волноваться, детское сердце сжимается от неосознанного понимания.

Через несколько лет учитель русского языка в школе скажет, что «возможно, детство заканчивается, когда ребёнок сталкивается со смертью», и Карина впервые осознает, что это столкновение произошло в тот летний вечер, когда она бросалась ко взрослым с расспросами и встречала снисходительный, ободряющий взгляд. «Всё хорошо, малышка», – скажет бабушка, и Карина замрёт в этом «хорошо» до сегодняшнего дня.

Она следила только за ногами. Правая, левая. Трава прилипает к мокрым ботинкам, вода шумит, правая рука до боли сжимает в кулаке билет на самолёт. «Улететь, чтобы вернуться». Я здесь, я здесь. Сердце, дыхание, шаг.

Девушка остановилась у самой кромки воды, когда под ногами оказался оголённый илистый берег. Дыхание в груди остановилось, мысли собрались в самой воспалённой об-

ласти мозга – там, где спряталось её детство, с которым не хотелось прощаться.

Только теперь Карина подняла голову и невидящим взглядом уставилась в центр сине-зелёной воды. У неё было столько вопросов к этой стихии, столько просьб, столько проклятий. Она причинила ей боль и почему-то продолжала существовать, жить, бежать, двигаться к видимой цели. Всего этого Карина не могла ей простить. Девушка со всей силы размахнулась и пнула камень, лежащий на берегу, но этого оказалось мало, и она принялась пинать ил, который с грязными брызгами стал вылетать из-под её ботинок.

Хотелось её перекричать, пересилить, но в горле застыли слёзы. Ветер, касаясь мокрого лица, становился холодным, но девушка продолжала плакать, и деревенский пейзаж перед ней покрывался пеленой отчаяния и разочарования.

Должно было стать легче, по крайней мере, Карина отчаянно на это надеялась, но когда слёзы закончились, девушка не заметила ничего, кроме усталости и опустошенности. И человека, который стоял у воды чуть поодаль.

Он заговорил первым, но не обернулся. Так и смотрел прямо перед собой, в самое сердце реки.

– Ты приходишь сюда каждую осень?

Тем летом Сара познакомила Карину со своим старшим братом совершенно случайно. Она оставила подругу в коридоре и забежала к нему в комнату, чтобы попросить подо-

ить коров вместо неё. Из-за двери Карина услышала тяжёлый вздох и приятный мальчишеский голос.

– Опять... Хорошо. Не люблю я это.

– Люблю тебя, – бросила Сара и выбежала в коридор.

Когда они уже бежали по дорожке от дома, Сара обернулась и увидела в окне брата, который провожал их внимательным взглядом.

– Это моя подруга Карина! – крикнула она во всю мощь своего не по-детски сильного голоса, и когда Лука открыл окно, не расслышав её, повторила. – Моя подруга Карина!

Она схватила Карину за запястье и бросилась к калитке.

– Это Лука, мой брат. Бежим, он ещё может передумать.

Он у нас такой!

Спустя час, когда они, уже искупавшись, сидели на берегу реки и перекидывали друг другу неспелое яблоко, Карина спросила:

– Какой это «такой»?

Сара поймала яблоко и подняла на подругу свои янтарные глаза.

– Что?

– Ты сказала про своего брата, что он у вас «такой».

– Аа! – девочка вытерла руки о траву и улыбнулась. – Белоручка. Вся эта деревенская жизнь не для него. Огород, сарай... Ты бы видела его лицо, когда он заходит в сарай, чтобы взять у мамы ведро с молоком! Вот такое!

Сара на несколько секунд свела брови, зажмурила глаза и

поджала губы, изображая лицо своего старшего брата. А потом стала заливаться звонким смехом, при звуках которого Карина никогда не могла остаться равнодушной.

– Какой же он смешной, – бормотала Сара, когда они уже лежали на траве, заливаясь слезами от смеха. – И как же я его за это люблю.

Тогда Карине показалось, что и она его любит, ведь как может быть иначе.

– Ты приходишь сюда каждую осень?

Когда он обернулся, Карина первым делом узнала эти янтарные глаза миндалевидной формы.

Мужскому лицу они придавали такую же необыкновенность, как и лицу смуглой девочки с вечно румяными щеками.

Было так странно снова смотреть в эти глаза в ожидании озорного огонька, искры эмоции. Но глаза молчали, как и их хозяин.

Река за спиной молодого человека шумела и продолжала жить.

Да.

Карина отвела глаза от шумной воды и только сейчас заметила серый фургон, который стоял возле раскидистой ивы вверх по реке.

– А ты приезжаешь сюда каждую осень?

Он молча кивнул.

– Зачем?

Мужчина молчал, и Карина поняла, что и он хотел задать ей тот же вопрос.

– «То место» не здесь.

Так же внезапно, как появился, Лука решил уйти. Он сделал несколько больших шагов в сторону своего убежища на колёсах и снова остановился. Карина продолжала стоять, и мужчина удивился, почему она не поняла, что ей следует идти за ним.

– Тебе нужно идти за мной.

– Правда?

Лука снова удивился.

«Она всегда была странной».

– «То место» не там.

Пару минут они шли молча, оставляя во влажной траве неуверенную тропинку.

– Я поняла.

– Ты не поняла.

– Поняла.

– Нет.

– Откуда ты знаешь?

– Я не первый год вижу, как ты приходишь не на то место и пинаешь там песок. А потом уходишь, – они прошли мимо ивы. – Всё это время ты даже не пыталась найти «то место». Я видел.

– Значит, ты видел, – хмыкнула Карина и постаралась изобразить негодование, которое больше походило на дикую радость от встречи со знакомым незнакомцем. Ведь, по сути, она ничего про него не знала. – Да откуда ты вообще знаешь, что «то место» не там! Сколько времени прошло!

– 20 лет и 35 дней, – не раздумывая, сказал молодой мужчина и остановился.

Карина замерла. Перед ней была всё та же река, но в этом месте она была шире и шумела громче, ударяясь о крупные камни и расходясь мелкими волнами с белой пеной. Ещё вверх по реке в воду упирались две широкие опоры моста, окружённые небольшими островками, поросшими травой.

– Мост... я совсем про него забыла.

– Здесь на дне глубокая яма, – Лука указал прямо перед собой. – Я плывал, видел её.

Это была та же самая река, что и ниже по течению, но именно здесь было «то самое место», и у Карины не было вопроса, почему. Она это чувствовала.

Когда оказываешься на «том самом месте», всё твоё существо говорит тебе об этом и не может не говорить. Сердце начинает биться чаще, мозг отчаянно пытается отказаться от ощущения безвозвратности и черноты, витающих в воздухе, а тело поддаётся, тело помнит.

Сначала у Карины задрожали колени, а потом мышцы наполнились мелкой дрожью. Она подняла на Луку совершенно беспомощный взгляд, и тогда он вложил в её руку камень

– большой, холодный, отрезвляющий.

– Давай, – это было самое уверенное его слово за весь их недолгий разговор.

И Карина размахнулась. Рука разрезала воздух, вдруг вспомнив уроки физкультуры на школьном дворе, и камень разорвал влажный осенний воздух на мелкие кусочки воспоминаний. Он преодолел метры пожухлой травы и на огромной скорости упал в воду.

Гром. Тишина.

Я здесь, Сара. Я здесь.

От кружки вверх поднимался пар, и Карина посмотрела сквозь него на молодого мужчину. Лука пил чай мелкими глотками и осторожно, будто бы боясь громких звуков, поставил чашку на столик.

– Больше всего не люблю это время года.

Карина кивнула.

– Помню первую осень после лета, когда её не стало. Тихая была такая, онемевшая, оглушённая. Всё, что мне говорили, будто бы сначала проходило через миллиард лет, скукоживалось, выцветало и только потом долетало до меня эхом. Вся моя жизнь стала эхом того лета. Ты спрашиваешь, как я.

Карина обхватила кружку двумя руками и снова кивнула. Она не могла вспомнить, спрашивала ли об этом, но он продолжал.

– Посмотри, – он показал в маленькое окошко фургона, – я каждую осень приезжаю сюда – на это место рядом с камнем, где родители нашли её одежду. Первые годы приезжал на автобусе – сбегал с последних уроков и тратил все карманные деньги на билет, потом приезжал на машине и оставался до первых холодов, теперь вот купил фургон, чтобы было не так холодно. Я обживаюсь здесь, пускаю корни на этом месте, а ты спрашиваешь, как я.

– Я слышала, что у тебя были отношения.

– «Были» по той же причине. Я хотел быть здесь, а не там.

– Ты говорил с ней об этом? Говорил, что это место для тебя много значит.

В осенних сумерках поле выглядело особенно одиноко, и Лука издал звук больше похожий на стон, чем на смех.

В фургоне уютно. Над кухонным гарнитуром горит ряд маленьких лампочек, чайник и кастрюля бросают тень на столешницу. Лука снова отпил чай и тихо поставил чашку на стол.

Мария подвинула тонкую перегородку, которая в фургоне отделяла спальню от гостиной, и присела на диван.

– Это просто фанера, покрытая тканью, – её голос звучал радостно, и от этого Луке стало особенно грустно. – Ты купил этот фургон, чтобы ездить туда?

Даже название этого места Мария произносила слишком спокойно, а Лука очень хотел, чтобы ей было больно.

– Да, – холодно бросил он.

– Хорошо.

По-осеннему разноцветные ветви берёз во дворе дома, где они с Марией уже полгода снимали квартиру, унизительно весело пританцовывали. Они откликались с рыжими волосами девушки, дразнили Луку, напоминая что-то особенно дорогое, а теперь забытое. Радость.

На миг он забыл, как дышать, и наполнился гневом, за который, он знал, ему придётся расплачиваться.

– В этом нет ничего хорошего! Ничего! Ничего хорошего! – он резко встал с дивана и пол под ним скрипнул. – Я еду туда не потому, что там хорошо! Сколько раз можно это говорить!

– Хорошо, – Мария выставила ладони перед собой в жесте, который должен успокаивать. – Я не знала, что для тебя это так важно. Ты не говорил.

– Да что ты вообще знаешь, – презрительно бросил Лука.

– Я не любил её, чтобы хотеть с ней говорить, – Карина сидела перед ним, но он боялся на неё смотреть, произнося эти слова. Женщины – источники радости, которую он не заслуживает.

– Ты ни с кем об этом не говорил?

– Ни с кем, кто её не знал.

– И кто же её знал?

– Мама, отец и дед.

– Надеюсь...

Опередив её вопрос, Лука отрицательно покачал головой. Он не чувствовал себя виноватым за молчание, и ему очень не хотелось лишний раз поднимать это вопрос к своей совети. Ведь давно уже стало ясно кто и кому должен открывать душу. Никто никому ничего не должен.

– Я тебе ничего не должна, Лука, – голос пожилой женщины надорвался где-то посередине его имени.

Она смотрела на сына, который стоял в дверном проёме, и старалась его рассмотреть, изучить, но ничего не выходило. Зрение давно стало таким плохим, что даже очки не выручали.

Она вытерла мокрые руки о халат и почти произнесла «Подойди, я хочу тебя обнять», а потом вспомнила, что он это не любит. Она вообще уже очень давно не знала, что он любит.

– Ты должна была меня выслушать, – холодно бросил он и ушёл.

Наира попыталась ухватиться взглядом за его широкую спину, обтянутую подростковым свитером в клеточку, но глаза снова её подвели. Снова и снова.

Женщина повернулась к окну позади и тихо постучала, чтобы человек, который всё это время курил на балконе, её заметил.

– Ушёл, – через плечо бросил седой мужчина, выглянув

во двор. – Смотрит на меня из окна своей тарихтелки, ждёт чего-то. Чего хотел?

Наира закрыла за мужем балконную дверь и снова вернулась к раковине.

– Хотел поговорить.

– Опять?

– Опять, – женщина провела губкой по тарелке, стараясь унять дрожь в голосе. – А я не могу. До сих пор.

– Ну и не надо, значит. Что за дело – говорить об этом.

Наира почти произнесла «Я бы хотела», а потом вспомнила, что он это не любит, и промолчала.

Вода стекала в слив раковины, и женщина вспомнила, как сын рассказывал ей, что в Америке вода закручивается в противоположную сторону. А если бы река была в Америке, вдруг Сара бы не утонула?

– Никому? – за окном быстро темнело, и Карина подумала, как бы успеть на автобус до города, если такси снова откажется сюда приезжать.

– Никому, кто хотел бы послушать.

Умение слушать досталось Карине от отца, и стало тем наследством, которое он оставил ей, когда ушёл. Говорят, что это не понимание чего-либо уходит, а уходит непонимание. Так и было у Карины: она родилась, чтобы избавляться и избавлять от непонимания.

Она понимала детей, которые задирали её в школе, понимала маму, которая уставала до крика, понимала тех, кто искал в ней только недостатки и злость. Она для всего находила верные слова, всех могла оправдать и простить. Кроме себя, потому что любовь к себе не досталась ей в наследство, а доставалась осознанным трудом с того самого дня и по настоящий.

– Ты хотела бы послушать?

Лука прекрасно знал, что это нечестно. Сидеть напротив и почти выпрашивать быть выслушанным, но на четвёртом десятке ему было уже не до стыда.

– Да, конечно, – она опять посмотрела в маленькое окошко фургона и только сейчас заметила, что на самом деле уже давно не торопится на автобус.

На поле опускалась ночь, и Карина вспомнила ту ночь. Тогда над деревней разносился громкий мужской плач, а сегодня от деревни почти ничего не осталось, кроме, наверное, тех самых слёз. Они звучали, они будут звучать.

– Я не плакал, – тихо начал Лука. – Мне было 11. Я понял, что случилось что-то страшное, когда дед не пришёл домой ночевать. Он сидел на дороге и плакал. Всю ночь. Я не спал, смотрел в окно, слушал и так хотел подойти и спросить, что с ним, но боялся. Сейчас я надеюсь, что в ту ночь дед выплакал все слёзы за себя и за меня тоже. Родители уходили и возвращались. Я ухаживал за животными и всегда держал

суп горячим на плите, чтобы отцу с матерью было что поесть. Они почти со мной не разговаривали. Скупое «привет», «пока». Теперь я понимаю, что они, скорее всего, знали, что дед мне всё объяснит. Так и было. Это ведь он рассказал, что Сару нашли вниз по течению. У него тряслись руки, и пламя в растопленной печи дрожало позади его сутулой спины. Он не переставал дрожать до самой своей смерти. Ты удивлена, – Лука посмотрел на девушку и ухмыльнулся. – А во мне это не вызвало никаких чувств, кроме чувства несправедливости. Почему кто-то уходит в 110, а кто-то – в 6?

Карина кивнула.

– Потом были похороны, холодная земля в кулаке, глухой удар. Я больше не видел её после того утра, когда она убежала на реку. Это мама с отцом прощались с ней в соседней комнате несколько дней, а я боялся туда заходить, боялся, что заплачу и больше не остановлюсь. Я не плакал, когда плакали все, даже те, кто не знал её по-настоящему. Даже сейчас, – он вскинул голову, и его волосы упали на плечи, – слёз нет, потому что мужчины не плачут.

– Все имеют право на слёзы.

– Даже когда я себя заставляю, я не могу заплакать. Все эти годы я приезжаю сюда, чтобы отпустить боль, но ничего не получается. Психотерапевт посоветовал мне найти «гавань в душе», куда я могу прятаться от этой боли, какое-нибудь тёплое воспоминание. А всё тёплое в моей жизни закончилось вместе с Сарой. Она была моей гаванью. И я ни-

как не заставлю себя заплакать, чтобы её отпустить. У тебя ведь получилось?

Карина подняла на Луку глаза, в которых стояли слёзы, и прикусила губу. Он смотрел на неё с таким явным обвинением, что ей резко захотелось уйти, чтобы больше никогда не видеть в этих янтарных глазах унижительный вопрос «Да как ты могла?».

– С того дня я плачу по любому поводу, – Карина видела, что он принял вызов, и не верил ей. – Я каждый день её вспоминаю. Не знаю, специально ли или нарочно, но я воссоздаю ту боль и потерю, чтобы почувствовать, что я живая, что я умею любить, дружить, ценить, потому что именно она меня этому научила. Она и её уход.

– Во всём ищешь хорошее? – буркнул Лука.

– Спустя 20 лет, да. Пора.

– Но её это не вернёт.

– Её и это не вернёт, – Карина положила руку на стену фургона, и тут же поняла, что сказала что-то ужасное.

Лука замер. Он почти не дышал, и лишь пальцы, которыми он обхватил кружку, побелели от напряжения.

– Все мне это говорят, – отчеканил он.

– Извини. Я понимаю, что ты чувствуешь...

– Все говорят, что это её не вернёт.

– Я лишь хочу, чтобы тебе стало легче, чтобы...

– Я и не хочу её возвращать, потому что знаю, что это невозможно! – он поднялся и подошёл к двери фургона. –

Уходи!

В фургон проник свежий воздух, пропитанный осенними запахами, нетронутой травой, мокрым камнем.

Карина медленно поднялась.

– Я лишь хочу дать ей понять, что я про неё не забыл, хочу думать про неё и думать, пока боль не покинет меня, ведь всё когда-нибудь заканчивается. Хочу жить здесь, нырять в холодную реку, пока не почувствую запахи, вкусы, пока не увижу ярко-оранжевый закат! Хочу однажды перестать чувствовать эту боль и снова начать жить! Как вы все не понимаете, как сильно я этого хочу!

Карина подошла ближе и заглянула ему в глаза.

– Я понимаю, я тебя понимаю, послушай. Слова даются мне с трудом, но чувства... Чувства я понимаю очень хорошо.

– Нет, – покачал он головой.

– Да.

– Нет, ты даже приходила не на то место.

– Говорю же! Я могу ошибаться в словах, в местах, в воспоминаниях, потому что когда её не стало, мне было 6! То же 6! Думаешь, я никогда не спрашивала себя, почему это так несправедливо, что кто-то в 6 уходит, а кто-то остаётся?! Да я смотреть на эту реку не могу, чувствовать этот запах, но она, – Карина вышла из фургона и наступила на влажную траву. Лука, подсвеченный светом, смотрел на неё сверху вниз, держа дверь открытой. – Она научила меня быть,

оставаться, любить, потому что в любой момент жизни может возникнуть водоворот, который заберёт то, что я люблю. Поэтому я буду любить и жить так сильно, как только могу! Жить!

Карина бросила ненавистный взгляд на реку и быстрым шагом направилась к темноте леса, за которым виднелись редкие фонари. Кто-то смотрел ей в спину. Те же янтарные глаза, другие.

Лука опустился на жёсткий диван. По полу фургона гулял холодный воздух, дверь осталась открытой, и мужчина посмотрел вокруг. Он переводил взгляд с окна в гостевой части, на окно в кухне, на выцветшие шторы, на кухонный гарнитур. Что-то чувствовалось, что-то было очень близко.

Парень достал из кармана телефон, нашёл на рабочем столе иконку «Инстаграма»* и зашёл в профиль под свои именем. Аккаунт Карины частенько выпадал ему в предложенных, но он не особо обращал на него внимание. Все эти социальные сети Лука считал бесчувственными площадками для рекламщиков.

200 публикаций, 12 тысяч подписчиков. В профиле Карины Лука заметил старую фотографию их деревни: пыльная дорога, маленькие домики, высокие деревянные скамьи, куда женщины по утрам выставляли вёдра с молоком для машины от молокозавода.

Лука нажал на фотографию и не с первого раза попал на

клавишу «Показать текст полностью».

«Однажды я решила, что я плохой друг. Мои приоритеты, выстроенные годами, сложно сломать, я молчалива и с большим трудом преодолеваю детские установки, доверяя своё. Я жадничаю и боюсь. Не мало раз было больно, и легче всего списывать всё на это. Я знаю.

И не буду. Не могу извиняться за то, кто я есть. Ведь я такая. Люблю слушать и точно умею услышать. Впитываю музыку, смех, слезинку и несу всё это в себе. Умею беречь. Умею защищать от нападков. Переступаю через свою грусть и радуюсь радости. Я ценю человека без ярлыка. «Лучший» он друг или просто.

Но мне важно знать, что я могу быть свободна в своих чувствах, что мой смех и слёзы тоже будут услышаны без нарочных стараний с обеих сторон. Мне дороги вопросы искренние, прямые и душевные. Мне приятно отвечать, размышлять, доставать из глубины задетое, болезненное и радостное.

И я меняюсь вместе с тем, как ещё продолжает развиваться мой головной мозг, но есть то, что будет всегда. Та я, которой горжусь и которой верю.

Мне было 6 лет, когда я подружилась с Сарой. В деревне у бабушки, в беседке, которую так умело построил дед возле яблонь. И будто кто-то одарил меня той маленькой девочкой, которая жила в доме напротив. Я ведь тоже бы-

ла малышкой, а почувствовала, что это дар. Мы были знакомы недолго, я не помню, как именно мы встретились. Но помню, как она улыбалась, как перебежала улицу, как заливалась смехом, как любила свою семью. И я хочу оставить это здесь как напоминание.

Сейчас меня 26, а ей всё так же 6. И я до сих пор с беспокойным сердцем смотрю на дом, в котором она жила, на камень у реки, которая стала для неё опасной. Ругаю. Скучаю.

И вдруг то, что я решила, что я плохой друг, становится такой ерундой. Ведь благодаря ей я знаю, что храню в сердце, и как умею любить, улыбаться, веселиться и дружить. Как умею грустить и помнить, как умею принимать дары.

Так что берегите подаренное, ведь и вы самый лучший дар для кого-то.

Я обнимаю и благодарю каждого».

Под текстом было 25 комментариев со словами благодарности. Лука протёр экран, чтобы прочесть мелкие буквы, и понял, что дело не в телефоне. Он поднял голову, дотронулся рукой до щеки и понял, что плачет. Слезы медленные, непривычные, оставляли на щеках влажные дорожки отпущения. Тучи разошлись, и на самом горизонте Лука увидел догорающий оранжевый закат. Свой первый закат за 20 лет.

Начался дождь. Карина стояла на одинокой деревенской остановке с прохудившейся крышей и смотрела вдаль в ожи-

дании автобуса.

– Они ходят здесь раз в день.

Мужской голос раздался за её спиной, и девушка испуганно замерла.

– Это я.

Карина медленно обернулась и увидела знакомую фигуру в окружении жёлтого света фар. Лука стоял, опустив голову, и Карина почувствовала, как у неё внутри разливается тепло. Она видела это в его позе, чувствовала, как он прощает себя прямо сейчас.

– Ты теперь мой любимый блогер, – виновато бросил он земле под ногами.

Карина мягко улыбнулась и подошла ближе.

– Всё хорошо, Лука, всё хорошо.

На его щеках остались следы от слёз, и он неуверенно переступил с ноги на ногу.

– Я могу тебя отвезти, мне как раз нужно в город.

– Хорошо, – понимающе кивнула девушка.

Они ехали в тишине, и только шум двигателя и свет фар разбивали темноту ночной трассы на «до» и «после». Слова бывают лишними. Карина знала это наверняка, поэтому просто сидела на пассажирском сиденье и смотрела в окно, изредка опуская взгляд на кисть Луки, которая лежала на рычаге коробки передач.

Иногда кисть напрягалась, с силой переключала скорость,

и это были механические проявления человека, прямо сейчас очень пристально обращённого внутрь себя.

Что он там видел? О чём прямо сейчас себя спрашивал? На что, наконец, нашёл ответы?

– Тебе нужно писать, Карина. Не заканчивай с этим, хорошо?

– Хорошо.

– Если человеку и нужен человек, то такой, кто умеет показывать, что он рядом несмотря ни на что. Мы должны это уметь.

Он медленно убрал руку с коробки передач, прикоснулся к ладони Карины и крепко её сжал.

– Спасибо.

Девушка закусила губу, часто закивала и отвернулась к окну, чтобы сделать незаметными свои слёзы.

На трассе стало больше машин, и на горизонте показался город. Карина смотрела в окно на пустынные осенние поля с почерневшими от влаги стогами сена и думала о Саре.

Река была виновата, что забрала её, но Карина высказала это ей ещё в первый свой приезд 5 лет назад. Всё остальное время она приезжала сюда ради него.

Машину у реки девушка заметила сразу, она сразу поняла, кто её хозяин. Автомобиль всегда стоял возле того самого места, и Карина каждый раз боялась к нему подойти, поэтому просто брала камень и ненавистно кидала в реку. Девушка винила её в смерти Сары и в том, что река не может отпу-

стить его – парня, невидящими глазами смотрящего вглубь дикой воды. Каждый раз Карина боялась, что этот раз станет последним, что однажды Лука решит остаться с этой тёмной водой навсегда, что так и не сможет её пересилить.

И сегодня этот страх был особенно сильным.

Она торопила таксиста, безмолвно торопила пилота самолёта и необоснованно расслабленных стюардесс. Она чувствовала, что именно сегодня её слова будут особенно бессмысленными, что пора действовать, что-то говорить, а не только писать в блог.

И именно сегодня Лука решил, наконец, подойти к ней.

Он тоже устал. Устал молчать о самой болезненной части своей жизни – о жизни без сестры, о жизни без маленькой хрупкой девочки, которая научила его быть сильным, научила быть старшим, научила быть собой.

Все эти 20 лет он, как слепой новорождённый щенок, пытался уткнуться в чьё-нибудь тепло, чтобы забыться, чтобы вспомнить, что такое защита. А на деле – стоял посреди безлюдного выцветшего поля и добровольно подставлял себя холодному ветру. Лука пытался себя наказать, а потом начинал ненавидеть всех вокруг за то, что никто его не жалеет. И это был бег по кругу, выход из которого он видел только один. Если бы не Карина.

В этот вечер река шумела без слушателей. И только ветер гонял по осеннему полю смятый листок бумаги со словами

«Простите, но я устал».

Всегда есть выход, всегда есть человек.

Всё будет хорошо.

*В 2022 году Инстаграм признали экстремистской организацией и запретили деятельность на территории РФ.